

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА ДЕМОКРАТИИ

© 2009 г. Л. С. Мамут¹

Ни для кого не является секретом неоспоримый факт: в России становление демократически-правового государства, начавшееся на рубеже 80–90-х годов XX в., происходит трудно. Понятно также, что сложности этого исторического по своим масштабам процесса, который порой принимает драматические формы, носят неслучайный характер (хотя и случайности тут не исключены). По-другому быть не может, поскольку множество разнонаправленных условий и причин одновременно воздействовали и продолжают влиять на данный процесс. Среди них обстоятельства внутренние и внешние, прошлые и настоящие, объективные и субъективные, благоприятные и негативные и т.д.

Охватить мысленным взором и внятно выразить сразу все перечисленные и подобные им обстоятельства – задача неподъемная. Однако реалистично и вполне осуществимо намерение высветить ряд факторов, которые непосредственно влияли и влияют на судьбы демократии, постепенно утверждающейся в российском политическом бытии. В частности, выполнимым делом представляется осмысление организационно-институциональных особенностей, определявших специфику формирования демократии в России на рубеже третьего тысячелетия, конституционно-нормативной модели сегодняшнего Российского государства и опыта ее претворения в социальную практику, наконец, способов упрочения структурных устоев российской демократии; последнее требует к себе особого, повышенного внимания.

* * *

Точное представление о своеобразии политико-организационной обстановки в России на стыке второго и третьего тысячелетий (вернее на рубеже 80-х и 90-х годов XX в.) – залог правильной, адекватной оценки нынешней российской демократии (государственности в целом), рождавшейся как раз в этой конкретной обстановке, именно ею в решающей степени детерминированной. Складывалась она из огромной мозаики событий. Их можно и всегда нужно восстанавливать, при-

водить в надлежащую систему. Вот только формат журнальной статьи не дает шанса заняться таким реставраторством. Но он вполне позволяет зафиксировать некоторые ключевые моменты, составившие, на наш взгляд, основу упомянутой мозаики событий.

Нельзя ни в коем случае игнорировать того факта, что каких-нибудь 20 лет назад в стране безраздельно господствовала единственная политическая партия (КПСС), возглавлявшаяся довольно безликим Центральным Комитетом и олицетворявшаяся персоной Генерального секретаря. Монопольное обладание (и манипулирование) партийной верхушкой всеми публично-властными прерогативами имело крайне отрицательные последствия, пагубно отражаясь на России и россиянах.

Однопартийная система поставила крест на суверенитете народа, покончила с демократией. Народный суверенитет был поглощен диктатурой партии, партийных лидеров, заменен культом “вождя партии”. Больше того, партийные органы в значительной степени подменили собой органы государства. Чего стоит введение большевиками, захватившими рычаги публичной власти, категории “номенклатура”. “Номенклатура... перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и в общественных организациях, кандидатуры на которые рассматривались и утверждались партийными комитетами – от райкома до ЦК. Номенклатурные работники – это замкнутый слой “начальников” всех уровней. Он существовал на основе жестких принципов и правил, определенных коммунистическими вождями”². Списки этих должностей являлись строго секретными. Все стороны жизни номенклатурщиков-назначенцев находились под пристальным контролем партийной верхушки.

Из-за подмены органов советской власти в принятии сколь-либо значимых решений партийными комитетами (естественно, в условиях жесткой системы номенклатуры) выборность органов государства оборачивалась показухой, фикцией. Напыщенные слова Конституции СССР (1977 г.) о выборности “всех органов государственной вла-

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

² Государственная служба (Комплексный подход) / Отв. ред. А.В. Оболонский. М., 2000. С. 90–91.

сти снизу доверху” обманывали только тех, кто сам сильно хотел обманываться. До водораздела 80-х и 90-х годов прошлого века недостижимым оставалось положение: “Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования” (Всеобщая Декларация прав человека, п. 3 ст. 21). Почему данное положение оставалось недостижимым? Прежде всего потому, что деятельность всех без исключения органов государства, независимо от способа их образования, назначения, профиля выполняемых функций, средств и методов работы, протекала под надзором “недремлющего ока” партийного руководства.

Однопартийная диктатура категорически отвергала идею и реализацию “разделения властей”. Иначе говоря, она напрочь отбросила институциональное и функциональное разграничение публично-властных полномочий между комплексами однородных органов государства, призванными специализироваться на решении входящих в их компетенцию задач. Тем самым наглухо закрывалось поступательное движение, которое могло бы обеспечить рациональность и эффективность выполнения определенных задач взаимодействующими государственными структурами. Неколебимой оставалась большевистская преданность заветам В.И. Ленина, который утопически мечтал об уничтожении парламентаризма, о наступлении того времени, когда “Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения депутатов... нет”³. Любопытная, показательная деталь: даже в выпущенном Политиздатом летом 1989 г. (пик “перестройки”!) “Кратком политическом словаре” (свыше 600 стр., набранных мелким шрифтом) отсутствовала хотя бы строчка о “разделении властей”. Впрочем, там вообще не было рубрики “Власть”.

Подчинение партаппаратчикам всей жизни социалистического государственно-организованного общества, подмена парткомми органов советского государства, неприятие парламентаризма и “разделения властей” дополнялись и усиливались внедрением монополии марксистско-ленинского учения. Оно, по твердому убеждению большевиков, было непрерываемо истинным и поэтому долженствующим стать путеводной звездой для каждого “сознательного борца за народное сча-

стье”. Интеллектуалы из ленинско-сталинской партии резонно полагали, что простого физического господства КПСС над завоеванным ею социумом недостаточно. Чтобы ее владычество было гарантированным и стабильным, чтобы не одними лишь заурядными страхами держалось таковое, требовалось согласие масс с возникшим строем. Во весь рост вставала проблема его легитимации⁴. Ответом и явилось повсеместное (от семьи и детсада до университета, от рядового предприятия до высших ведомств) насаждение марксистско-ленинской идеологии в качестве единственного символа веры, официально разрешенного, распространяемого, охраняемого партией и органами государства.

В темной ауре моноидеологичности советский народ принуждался к тому, чтобы он во всем руководствовался “научно-коммунистическими идеями”. Беспрепятственная пропаганда этих идей нацеливалась на воспитание в советском человеке качества строителя коммунизма. Другого было не дано. Само собой разумеется, что в ту пору всемерно культивировалось единомыслие, инициировался и поощрялся казенный энтузиазм, приветствовалось всеобщее одобрение мероприятий “партии и правительства”, одновременно преследовались творческие искания духа, если они хоть чуть-чуть уклонялись от “генеральной линии”. Объективное описание, беспристрастный анализ и публичное обсуждение крупных злободневных общественных проблем свидетельствовали о неблагонадежности тех, кто в таких акциях участвовал. Критика, правда, допускалась. Но допускалась она тогда, когда ей подвергались мелкие чиновники, служащие низового звена коммунальных предприятий, работники прилавка, а также неурядицы быта, а еще лучше – разное “буржуазно-капиталистическое наследие”. Не выходили из моды сражения между “хорошим” и “самым хорошим”. Людей приучали абстрагироваться от тяжелой, чрезвычайно противоречивой реальности. В их сознание всячески втеснялось представление о том, что они фактически живут в благополучном, радостно-оптимистичном мире. Так подпитывалось и становилось привычным двоемыслие, преобладавшее в те годы в ментальности общества.

По Конституции СССР (1936 г.) советский человек имел, вроде, некоторое число важных прав (т.е. возможностей пользоваться определенными социальными благами). Однако обладание ими было кажущимся. Оно обесценивалось однозначным предписанием соответствовать “интересам трудящихся”, “целям укрепления социалистического строя” (ст. 125). А дирижировала этими “интересами” и “целями” большевистская партия

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33.

⁴ Подробнее см.: Дибиров А.-Н.З. Теория политической легитимности. Курс лекций. М., 2007. С. 144–177.

и вождь, утвердившие де-факто в стране жестокий, репрессивный политический режим.

Согласно Конституции СССР, принятой на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР 9-го созыва 7 октября 1977 г., граждане Советского Союза наделялись “всею полнотою социально-экономических, политических и личных прав и свобод...”. Вот только дозволялось пользоваться этой “всею полнотою” лишь в том случае, если граждане не наносят ущерба “интересам общества и государства, правам других граждан” (ст. 39). Но кто же выносил вердикт относительно того, наносится ли гражданами, использующими свои права и свободы, “ущерб интересам общества и государства”? В конечном счете все та же коммунистическая партия, с головы до ног “вооруженная марксистско-ленинским учением” (ст. 6 Конституции СССР, 1977 г.).

Как известно, учение, которое исповедовала и практиковала Коммунистическая партия Советского Союза, отстаивало целесообразность для социалистического общества однопартийной системы. Отрицался политический и идеологический плюрализм. Оно освящало непризнание за каждым человеком права получать и распространять нужную ему информацию, его права свободно передвигаться (внутри и вне государства). Этим учением так или иначе санкционировались прописка, цензура, “железный занавес”, наглухо закрывавший страну, слой невыездных граждан и великое множество всяких других политико-юридических безобразий.

Тем не менее надо честно констатировать: некий порядок в советском государстве был. Другое дело, каким он был, чем являлся в действительности. Давным-давно ясно, что сей порядок держался на насилии (физическом и психическом), поддерживался слепой верой и страхом основной массы населения. Большею частью он напоминал порядок казармы, а длительные промежутки времени – порядок исправительно-трудового лагеря или тюрьмы. Поколения советских людей упорно приучались жить при таком скверном (мягко выражаясь) порядке. Они свыкались с ним, фетишизировали его, искренне полагая, что по-иному в принципе не бывает, что каких-либо радикально отличающихся от него, нормальных, цивилизованных порядков просто нет в природе.

Историческая истина требует признания того, что с середины 80-х годов XX в., с началом “перестройки” порядок, десятилетиями существовавший в Советском Союзе, стал давать трещины, прогибаться, быстро ослабевать. Его подрывали гласность, рост активности различных самодеятельных организаций граждан. Он испытывал давление многих усиливавшихся центробежных тенденций, которые заставляли партийно-государственные верхи в Москве всерьез считаться с

ними, умерять свой диктат, свое начальствование. Напор снизу заставил эти верхи на XIX Всесоюзной партконференции (1988 г.) провозгласить целью намечавшихся в пожарном темпе политических реформ построение в СССР “социалистического правового государства”. Предполагалось, в частности, в рамках этого эфемерного проекта прежде всего передать Советам, обновленным в духе парламентаризма, хозяйственно-распорядительные функции, изъять их у партийных органов. Партийные идеологи не хотели (или не могли?) понять, что социалистическое марксистско-ленинское учение и право – вещи несовместимые. В 1990 г. была отменена ст. 6 Конституции СССР (1977 г.), отводившая партии (о чем уже говорилось) монопольную руководящую роль в жизни общества и государства. Появился шанс для возникновения в стране феномена многопартийности политической. Тогда же (в 1990 г.) в атмосфере все расширявшейся гласности пала советская цензура, доселе жестко ограничивавшая такие права человека и гражданина, как свобода слова, свобода информации. Наступала пора очевидной делегитимации организационно-институциональной базы советского государства – явный симптом вплотную приблизившегося глубокого кризиса.

Сегодня пишут, что коренные сдвиги в общественно-политическом устройстве страны сплошь и рядом сопровождаются отрицанием прошлого и разрывом социокультурной преемственности с ним⁵. Незачем впадать в беспамятство и уверять, будто во времена “перестройки” (да и после их окончания) не имели места перехлесты в критике советско-коммунистического прошлого, объективно неизбежные в момент расставания с более чем семидесятилетней большевистской диктатурой. Однако, по нашим наблюдениям, прошлое в качестве такового огульно не отрицалось. Людям, активно подвизавшимся в те горячие дни на поприще публицистики, в обществоведении, хватало разума на то, чтобы не порывать с социокультурной преемственностью как универсальным законом движения истории. Речь велась (и она велась совершенно осознанно, целенаправленно) не об отмене государственности, об отказе от институтов существовавшего порядка, не о беспредельной вольнице, но о разрыве с антигуманными, противоречившими жизненным интересам личности и общества политико-легалистскими установлениями советской власти – марионетки в руках большевиков.

Обойдемся без преувеличений: современное состояние новой российской государственности, формирующейся российской демократии не сто-

⁵ Подробнее см.: Глебова И.И. Революции 1917 года: отрицание прошлого и разрыв социокультурной преемственности // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 97–115.

процентно определяется их генезисом. Но если от него абстрагироваться, если забыть, из какого политико-легалистского кошмара появляются они на свет божий, и пренебречь тем, сколько еще в них намешано (в силу исторической инерции) всякого достающегося от прошлого сора, то полное непонимание теперешних характеристик государства и демократии прочно гарантировано.

* * *

Оно также безусловно гарантировано при неумении (либо нежелании) четко различать и адекватно интерпретировать как конституционно-нормативную роль сегодняшнего Российского государства, так и результаты ее претворения в социальную практику, многотрудное испытание этой практикой. К данному сюжету приходится возвращаться, что особого удовольствия не доставляет. Две причины подвигают возвращаться к нему. Одна – осязаемо сохраняющаяся его важность. Вторая – увы, повторяющиеся неточные, спорные трактовки, которые не перестают возникать в процессе его обсуждения.

Например, В.Б. Пастухову, озабоченному “вторым дыханием русского конституционализма”, мнится, будто Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием, “была конституцией одного класса, но не конституцией общества в целом...российская, бывшая советская, интеллигенция создавала свою конституцию. Это была идеальная модель, которая с равным успехом могла бы быть предложена любому обществу от Монголии до Канады и от Норвегии до Папуа – Новой Гвинеи...”⁶. Для автора, поглощенного думами о “русском конституционализме”, действующая российская конституция есть “этакий конституционный “унисекс” – и для мальчиков, и для девочек, но на особенности “православной конституции” он не был рассчитан”⁷.

Очень далека от правдоподобия та абсурдная гипотеза, что столь эрудированному специалисту, коим является В.Б. Пастухов, неведомо простейшее: Монголия (по Конституции 1992 г.) – унитарное государство, а Норвегия (издавна) – конституционная монархия с унитарным административно-территориальным устройством. Посему конституция федеративного республиканского государства (России) никак не может быть предложена “с равным успехом” ни Монголии, ни тем паче Королевству Норвегия. Но это – досадные оплошности. Их еще как-то можно списать на

счет журналистско-публицистической увлеченности пишущего, на его полемический задор.

В процитированных фразах высказаны, однако, мысли, куда более серьезные, весомые, нежели скороспелые суждения о Монголии и Норвегии, Канаде и экзотической Папуа – Новой Гвинее. Во-первых, имеется в виду высказывание о том, что современная российская Конституция – продукт “русской, бывшей советской, интеллигенции”, пошедшей на компромисс с “революционными партократами”, – не была “конституцией общества в целом”, выражала интересы и взгляды “одного класса – интеллигенции”. Во-вторых, имеется в виду демонстративное указание (порицающее!) на то, что в тексте Основного Закона Российской Федерации не предусмотрены особенности “православной конституции”, что Основной Закон на это “не был рассчитан”.

На эскапады, которые касаются “узкоинтеллигентности” и “всеразмерности” (“универсальная одежда”) российской Конституции, уместнее всего, наверное, отреагировать несколькими риторическими вопросами. Разве не весь многонациональный народ России был на рубеже 80-х и 90-х годов XX в. поставлен перед историческим выбором: продолжать влачить жалкое существование в условиях гибнущего “развитого социализма” или начать строить по-настоящему демократическое государство, современное сообщество негосударственных объединений, социально-ориентированную рыночную экономику? Не за ним ли самим было такое судьбоносное решение? Неужели кучка “космополитически” настроенных интеллигентов вопреки глубинным потребностям 150-миллионного народа (общества) смогла заставить Россию двинуться по магистралям мировой цивилизации? Действительно ли “универсальной одежкой” (т.е. одинаково подходящей) впору в качестве Основного Закона любому из государств планеты, а их свыше 200 чрезвычайно разных) является Конституция Российской Федерации?

Отдельное слово о том, что текст Основного Закона новой, постсоветской России “на особенности “православной конституции” ...не был рассчитан”. Совершенно верно: эти особенности в нем сознательно не предусмотрены (загадкой остается лишь причина заковыченности В.Б. Пастуховым клише “православная конституция”...). При разработке и принятии всенародным голосованием Конституции РФ безраздельно доминировало представление, согласно которому новая Россия – светское государство. Оно не находится в “симфонии” с церковью. Нет в нем религии как официальной государственной идеологии. И те, кто готовил текст Основного Закона, и, главное, те, кто его принимал, были против воскрешения и консервации окормлявшегося православной

⁶ Пастухов В.Б. Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (83). 2008. С. 6.

⁷ Там же.

церковью российского (дооктябрьского) прошлого, тесно связанного с самодержавным политическим строем⁸.

Однако оставим пока в покое критические суждения и споры. Как говорится, охотясь за чужими огрехами, истину не найти. Сконцентрируемся лучше на бесспорном. Всякому непредвзятому человеку очевидно: между установлениями принципов и норм, содержащимися в Конституции России, и реальной нынешней российской повседневностью, существует “зазор”, причем немалый. Но не всякому дано понять то, что порождает его возникновение и существование.

С общественно-исторической точки зрения заметная дистанция между системой ценностей, которая закреплена в нашем Основном Законе, и будничной прозой жизни объясняется тем, что эта система по своему смыслу, по своей предметности соотносится с другими реалиями. Она оправданно опережает время⁹ и релевантна развитой демократически-правовой государственности, цивилизованной рыночной экономике, упрочившемуся и активному “гражданскому обществу”, высокому уровню политической и правовой культуры людей и т.п. На начальном этапе постсоветского периода (именно в нем страна все еще находится) подобного рода практика только формируется. В момент создания и первых 15 лет существования Конституции РФ не могло не быть упоминавшегося “зазора”. Ведь это он в значительной степени предопределяет те большие трудности, которые препятствуют нужному воплощению Конституции в жизнь, которые резко отрицательно сказываются на эффективности применения принципов и норм Основного Закона, на их действенности.

У проблемы действенности, практической отдачи конституционных положений есть еще один аспект: социально-философский. Его выражают представления об онтологической природе и модусах бытия Конституции как таковой. Конституция РФ тут не исключение. Она, будучи нормативной моделью развитой демократически-правовой государственности, является особым рода идеалом (должным). В таком своем качестве эта нормативная модель – проекция системы осознанных и официально зафиксированных политических и признаваемых законными потребностей, интересов и целей государства и личности (если угодно, личности и государства). Как и каждая проекция (а не ретроспекция), данная модель

неизбежно, закономерно выходит за пределы настоящего, т.е. сущего, и локализуется по преимуществу в пространстве будущего.

Знание того, что нормативная модель (идеал) лежит большей частью за чертой настоящего и не может во всей исчерпывающей своей полноте “перетечь” в актуальную повседневность, без остатка воплотиться (раствориться) в ней, основательно обязывает. Во-первых, оно требует избегать поверхностного, примитивного взгляда на идеал как на последний, конечный пункт, финиш исторического движения; оно требует избавляться от мнения об идеале как об однажды раз и навсегда абсолютно достигаемой реальности. Во-вторых, такое отчетливо артикулируемое знание предписывает отказаться от теоретически наивного (а практически бесплодного, сугубо деструктивного) разоблачения и поношения социальной действительности за то, что она не есть *hic et nunc* безупречное эмпирическое существование бумажно материализовавшейся нормативной модели (идеала, должного).

Из всего сказанного отнюдь не следует, будто отраженный в Конституции РФ нормативный образец зрелой, развитой демократически-правовой государственности никак не соприкасается с происходящими в современной России событиями, с организацией и функционированием институтов публичной власти, с проводимой политикой, с законодательством, жизнедеятельностью сообществ негосударственных объединений, граждан и т.д. Напротив, со всем этим наша Конституция контактирует очень тесно. Она способна влиять и фактически влияет на совершающиеся в России перемены. Основной Закон выполняет, в частности, такие роли: он служит *ориентиром*, который указывает общее направление процесса формирования и совершенствования российского демократически-правового государства, являясь, вместе с тем, *критерием* отбора средств и методов, необходимых для осуществления данного процесса; он выступает главнейшей *легальной опорой* критики и акций по устранению дефектов в структуре и деятельности институтов государства и занятых в нем лиц; он работает в качестве *стимулятора* законосообразного поведения и подъема политической и правовой культуры граждан, госслужащих, должностных лиц всех рангов, общества в целом; он также представляет собой *индикатор*, коим измеряется степень соответствия реального (на текущий момент) состояния российского социума – конституционно легализованной модели публично-властным образом организованного общества.

Понятно, что конституционные положения, претендующие быть эффективными, должны так или иначе учитывать наличные ситуации и в определенной мере быть в ладу с ними, соответ-

⁸ Не все, однако, так расположены. И.И. Глебова сожалеет, что “отсутствует преемственность современной России с самодержавной...” (см.: Глебова И.И. Указ. соч. С. 115). По каким же конкретно линиям должна идти эта преемственность с самодержавной Россией? В ответ – молчание.

⁹ Подробнее см.: Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 301–302.

ствовать им. Но, как бы там ни было, нормативную модель и окружающую нас социальную и политическую действительность разделяет определенная (и весьма значимая) дистанция; между ними есть известная напряженность, нередко они вступают в противоречия. В этом нет ничего сверхъестественного. Противоречия снимаются (либо минимизируются) шаг за шагом в процессе реализации принципов и норм Конституции, в ходе развития конституционализма. Такая реализация – дело постоянное, последняя точка никогда не ставится.

Закрепление в Основном Законе России экономических, социокультурных, политических, юридических ценностей зрелого, развитого демократически-правового государства не обходится без рисков. Например, оно порождает сложный, подчас вызывающий негативные последствия психологический феномен: инспирирует у нынешней генерации россиян (во всяком случае, у немалой ее части) явно завышенные, а потому полностью не осуществимые “здесь и сейчас” ожидания. Довольно многим членам российского общества не перестает казаться, будто бы сам текст Основного Закона России способен обеспечить поток потребных каждому материальных и социальных благ.

Подобного сорта ожидания (в особенности выходящие на даваемые государством социальные обязательства) иллюзорны. Они не могут оправдываться на практике, им не суждено сбываться. У человека, который этими ожиданиями-иллюзиями живет, спонтанно возникает разочарование в Конституции, появляется недоверие к ней. Неудовлетворенность, вызываемая обманчивыми и потому неосуществимыми надеждами, – тяжелый барьер на пути правильного восприятия Конституции РФ. Такая неудовлетворенность препятствует беспристрастной оценке ее исторического значения, мешает объективной характеристике сильных и уязвимых ее сторон.

Тот, кто берется рассуждать об эффективности Конституции РФ, о методах, средствах и мере ее претворения в эмпирическую реальность, глядя поверх отмеченных фактов, неминуемо может быть втянутым в малопривлекательное и пустое критиканство.

Учреждая демократически-правовое государство, принимая равнодостоинную ему Конституцию, а затем занимаясь отладкой и укреплением разнообразных институтов данного государства, надо твердо усвоить: только провозглашенных Конституцией и ставших законообязательными ценностей недостаточно. Институты (те или иные комбинации организационных схем) сами по себе никем не руководят, никого не упорядочивают. Законы тоже сами по себе не господствуют, не правят, не исполняются автоматически. “Господство права”, “верховенство (правление) закона” –

это всего-навсего привлекательные политические метафоры-лозунги. Не более того.

Устанавливаемые институты, издаваемые законы – лишь средства, с помощью которых руководство осуществляют люди (группы, общности людей). И никто, кроме них. Институты, законы функционируют исключительно в той степени и в той форме, в какой они на деле используются людьми: от главы государства до рядового гражданина (подданного). Использование же этих институтов, законов и пр. в конечном счете зависит от социальных качеств народа, его общей и в особенности политической и правовой культуры. Каков уровень его цивилизационной зрелости, таково в действительности общее состояние государства. По-другому не бывает и просто быть не может.

* * *

Думающий, что сказанное об организационно-институциональной почве, определявшей специфику формирования государственности и демократии в постсоветской России¹⁰, а также сказанное о конституционно-нормативной модели сегодняшнего Российского государства и проблемах ее реализации прямого отношения к тематике культуры демократии не имеют, сильно заблуждается. Совершенно ясно, что понимание культуры невозможно, если отсутствует знание ее генеалогии, коль скоро нет знания того, каким способом несут свою службу (осуществляются) различные конкретные модификации культуры.

Она, если вести речь о социуме в целом, – исторически сложившаяся система всех его способов жизни, практикуемых членами данного социума. Политическая культура (в нее входит и культура демократии) есть система способов жизни государства. Ее образует все то, что в связи с государством делают и думают при помощи соответствующих средств люди, которые находятся в его “гравитационном поле”. Значение культуры вообще и культуры политической – в частности, как представляется, фактически никем не подвергается сомнению.

По-другому обстоит дело с демократией, которая “по самой своей сути... является предметом споров”. Между тем благодаря обеспечиваемой ею возможности споров люди в состоянии «подтверждать и/или оспаривать демократичность того, что представляется “демократичным” здесь и сейчас»¹¹. Но мир вовсе не подозревает, что судь-

¹⁰ “Постсоветский” – нежное определение. С. Неретина и А. Огурцов используют в аналогичной ситуации прилагательное “посттоталитарный” (см.: *Неретина С., Огурцов А. Время культуры.* СПб., 2000. С. 13).

¹¹ *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество. М., 2001. С. 375–376.

бы демократии и выражающего ее концептуально-понятийного аппарата висят на волоске. “Один из ведущих российских политологов” (так написано в аннотации книги)¹²: безапелляционен: “Нужно совершенно отказаться от перечня таких понятий, как “власть”, “диктатура”, “демократия”... Все это принадлежит прошлому и вместе с ним уйдет”¹³. Дальше – больше: “всевозможная понятийная рухлядь типа “демократии”, “диктатуры”, “правых”, “левых”...должна быть выброшена на помойку. Эти понятия ничего не ловят, с их помощью ничего нельзя понять, они используются только как ярлыки в процессе манипуляции”¹⁴.

К чему, однако, взвинченные матвейчевские тирады? Они, оказывается, для того, чтобы, оттолкнувшись от них и покопавшись в неиспользованных возможностях истории “посоветовать России в ее ситуации... восстановление монархии, причем сознательное, помпезное, замешанное на традиции, на чувстве глубокого патриотизма, знании истории, гордости за нее”¹⁵. Утопическую ностальгию по российской самодержавно-монархической старине мы уже не раз проходили. Но некоторые никак не в силах смириться с тем, что это патриархальное прошлое в России кануло в Лету, причем кануло безвозвратно.

Курьезы, случающиеся тогда, когда выпадают из пространства истории, демократии не навредят. Она как была, так есть и так всегда будет в социокультуре, в человеческой коллективности цементирующим началом. В том смысле, что ею опосредуется самоопределение народа (общества). Поскольку публичная власть – атрибут общества (что тождественно народу), постольку единственно демократия является той организационной формой, в которую только и может облечься общество (народ) в качестве социальной целостности. Демократия трактуется в таком ракурсе, как “сущность всякого государственного строя”, и ко всем другим его вариантам она относится “как род относится к своим видам”¹⁶.

Тьма вариантов государственного строя известна истории цивилизации. По принятой ныне азбуке государствоведение строй государства включает в себя: систему правления (монархическую либо республиканскую); способ административно-политической организации территории государства (унитарный либо федеративный); тип политического режима (либерально-демократический либо авторитарный или тоталитарный). Как показывает опыт прошлого и на-

стоящего, каждый из названных компонентов (сам будучи во всевозможных состояниях) весьма по-разному сочетался и сочетается друг с другом.

Исторически демократия как матрица государственного устройства имела и имеет множество число: она воплощалась и воплощается в самых разных образцах. Но при всем том демократия, которая претендует быть современной, должна (таков международный стандарт) отличаться следующими сущностными чертами: системой народного представительства и “разделения властей” (функционального и институционального разграничения публично-властных полномочий между соответствующими органами государства), политическим и идеологическим плюрализмом, конкуренцией элит (социально-позитивных и активных групп людей), безусловным признанием достоинства, основных прав и свобод человека, политического равноправия всех граждан государства, эффективным культивированием общепринятых гуманитарных ценностей, наличием развитого и влиятельного сообщества негосударственных объединений, реализующих партикулярные интересы своих участников.

Быстро поставить точку в данном списке сущностных черт современной демократии едва ли удастся, ибо в ходу не одна, а несколько теорий современной демократии и каждая из них резонно предлагает свои критерии¹⁷. Конечно, многие перечисленные и родственные им черты закрепляются в действующих конституциях государств мира. Потому есть искус объявить их формальными, выражаемую ими демократию – тоже формальной, лишь кажущейся. В этом искусстве есть рациональное зерно. Надлежит, однако, крепко помнить, что без формальной демократии не бывает демократии воплощающейся в действительность, демократии реальной. Попытки исправить слабости формальной демократии, заменив ее демократией “содержательной”, “пролетарской”, “истинной”, чреватые угрозой уничтожения демократии как таковой.

Для человека, которому близки идеи Всеобщей Декларации прав человека и Конституции России, несомненно то, что сегодня культура демократии обязательно предполагает максимально бережное отношение к перечисленному выше перечню сущностных черт современной демократии. Эта культура диктует поведение, устремленное на их расширение и углубление. Она требует прилагать всемерные усилия для того, чтобы утверждать их в реальном опыте. Но составляет ее не только сеть упомянутых правил. Они – ее необходимый верхний ряд. Нижележащий и не менее значимый пласт культуры демократии (го-

¹² См.: Матейкович О.А. Суверенитет духа. М., 2007. С. 2.

¹³ Там же. С. 399.

¹⁴ Там же. С. 494.

¹⁵ Там же. С. 392.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 252.

¹⁷ См.: Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1995. С. 179.

сударственности вообще) образует сеть уже других, более фундаментальных императивов, которые мотивируют деятельность, сопряженную с несколькими иными жизненными практиками. Какими конкретно? Попробуем об этом расскажем после некоторого отступления.

Предварительно надо засвидетельствовать довольно огорчительное положение. Сводится оно к тому, что институты демократии не предотвращают появления и бытования в государстве таких сугубо отрицательных факторов, как преступность, недобросовестное пользование публично-властными и иными полномочиями, разгильдяйство, бесхозяйственность, иждивенческие настроения, жажда потребительства, вспышки ксенофобии и пр. Возникновение и динамика столь дурных, социально-деструктивных фактов менее всего обусловлены самой природой демократии. Напротив, именно демократией (а не ее антиподами) создается оптимально-благоприятная среда для успешной борьбы с такими негативными явлениями.

Но приходится констатировать: одним лишь приятием сущностных черт современной демократии указанные проявления зла не корчуются. Следует особое внимание заострить на том, что эти пагубные виды дискредитируют демократию, препятствуют разворачиванию демократических институтов, превращая их (в глазах отдельных групп и общностей людей) в виновников переживаемых государством затруднений и бед. Чтобы в постсоветской России демократизация стала последовательно поступательным движением, необходимо основательно мобилизовать и всерьез использовать также более фундаментальные категории (инструменты) культуры демократии. Под “также” разумеется умелое, сбалансированное использование этих категорий в органическом единстве с совокупностью всех остальных инструментов данной подсистемы социокультуры. Гипертрофирование роли какой-то одной из разновидностей добром для демократии не закончится.

По крайней мере несколько фундаментальных, базисных категорий культуры демократии, без реализации которых современная демократия – мираж, настоятельно требуют поставить их в повестку дня, сконцентрироваться на их развитии. Среди таких категорий – порядок, дисциплина, обязанности, ответственность. Но ведь и демократия не синоним мягкотелости; она вовсе не аморфное, рыхлое образование. Если кто-либо решит, будто такие базисные категории к собственно культуре демократии имеют весьма отдаленное отношение, то пусть он попробует доказать невероятное: возможность существования демократии в социальном хаосе, при несоблюдении людьми норм человеческого общежития, в

обстановке небрежения обязанностями и в условиях кризиса ответственности.

Каждому свой черед. Сначала о порядке. Примем за порядок состояние, которое отличается комплексом качеств: устойчивостью, размерностью (подчиненностью определенным правилам) происходящих в нем процессов, их регулярностью и последовательностью (во времени и пространстве). Слишком общо? Пожалуй, но не в абстрактности, чрезмерной отвлеченности этой характеристики кое-кому мерещится опасность.

Для тех, кто обладает сверхчутьем, угрозой является...порядок *par excellence*. Солидарен с Ф. фон Хайеком в том, что «термин “порядок” имеет давнюю историю в социальных науках, но в последнее время его избегают главным образом из-за двусмысленности и ассоциаций с идеей авторитаризма. Однако нам без него не обойтись, и во избежание ошибочных толкований нужно четко определить, в каком смысле мы будем его использовать...»¹⁸. Станем его использовать в том плане, что, во-первых, оценим порядок в государстве как устраиваемый сознательно, целенаправленно, а не складывающийся стихийно, самопроизвольно. Во-вторых, станем со всей ясностью понимать, что существует большое количество разнообразных форм того порядка, который выстраивается в государстве.

Иллюстраций, демонстрирующих массу этих многоликих форм устанавливаемых в государствах порядков, имеется в избытке. Однако из них выберем лишь две. Те две типичные формы порядка, которые начисто *исключают* демократический уклад бытия современного цивилизованного государства. Первая форма – порядок тюрьмы. Двадцатый век дал примеры государств, граждане коих подлинно жили в них, как в тюрьмах (а то еще хуже). Вторая форма – порядок казармы. Тот же двадцатый век и продолживший его век двадцать первый могут “похвастать” сохранением таких государств, в которых существование людей мало чем отличается от их постоянного пребывания на казарменном положении, да и сама организация государства напоминает казарму с ее дотошной регламентацией всего и вся.

Укоренение и торжество демократического порядка – одна из главнейших целей, стоящих перед Россией постсоветской. Торжество подобного порядка вполне возможно. При выполнении ряда условий. Необходимо учитывать, причем не на словах, а на деле, то обстоятельство, что сущностные черты современной демократии вариативны: реализуясь, они неизбежно окрашиваются в цвета всякий раз специфической национально-исторической идентичности воспринимающего

¹⁸ Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 53.

их конкретного государства. Необходим отказ от принудительного, с помощью “сильной”, “железной” руки привития этих (в целом и стереотипно взятых) сущностных черт древу новой российской государственности. Следует также воздержаться от форсированного, в обгон времени и обстоятельств внедрения упомянутых черт (признаков) современной демократии в постсоветскую российскую политическую почву. Действия, которые будут игнорировать данные условия, однозначно не только завершатся крахом спроектированного для России демократического порядка (см. Конституцию РФ), но и обернутся пришествием какой-нибудь супермодерновой тирании.

Порядок в государстве, тем более порядок демократический, предполагает присутствие в нем дисциплины, в первую очередь дисциплины людей, составляющих государство. Никакие Америки не открываются указанием на то, что дисциплина есть поведение особого рода – поведение человека, который подчиняется нормам социокультуры (законам, правилам морали, этикету и т.д.), согласует с ними свои поступки. Но дисциплинированности может и не быть (или она может быть не у всех). Отсутствие дисциплины либо ее слабость и дефицит ставят под вопрос результативность функционирования государства, его жизнестойкость. Кто в этом заинтересован?

В современной России, где происходит становление демократической государственности, назвать благодетельным общее состояние дисциплины ее граждан язык не поворачивается. Она еще невысока у большинства из них. Притом невысока в самых разных “дисциплинарных пространствах” (М. Фуко): в сфере администрирования, на производстве, в просвещении и медицине, в сфере быта, досуга и т.д. и т.п. Об этом надо говорить открыто. Невелики, однако, проникаемость и доблесть, отмечающие сей безрадостный и мало кем оспариваемый факт. Стократ полезней осуществление практических мер по всестороннему укреплению дисциплинированности россиян (должностных лиц государства, госслужащих – в первую очередь).

Культивируя такие чрезвычайно востребуемые меры, желательно удержаться от двух крайностей. С одной стороны – от увлечения бесконечными советами, назиданиями, нравоучениями. С другой – от соблазна скрутить всех в бараний рог, заставить всех беспрекословно ходить по струнке. Нужная социуму, нужная каждому его члену настоящая дисциплина – это поведение свободного сознательного человека, который с пониманием и добровольно (а не из-под палки) соблюдает социальные нормы. Но того, кто упорно нарушает дисциплину, следует без излишних церемоний принуждением приводить в чувство.

Все категории взаимосвязаны и взаимообусловлены в культуре демократии. Например, та же дисциплина немыслима, если человек не выполняет своих обязанностей касательно тех субъектов, с которыми он находится в определенных отношениях. Первым и важнейшим таким объектом является общественная и природная среда обитания этого человека. Действительно, знания и навыки, которыми человек обладает, язык, которым он пользуется, орудия, которыми он оперирует, – плод не его личных усилий. Они – итог колоссальной работы, которую на протяжении тысячелетий производило и производит именно общество. Обязанности индивида перед обществом – естественная плата за пользование теми бесценными благами, которые общество (социокультура) предоставляет ему. От этих обязанностей человека не освободит никто и никогда.

В несколько другом свете выглядят обязанности, рассматриваемые в юридической плоскости. Огорчительно, что размышления о них скупы. Центральное место почти везде занимают права и свободы человека. Это объяснимо, аргументов хоть отбавляй. Сложно постичь причину полубвения вещи общедоступной: право существует только и единственно как обратная сторона обязанности. Вне имманентного сопряжения с ней право лица – призрак. Давным-давно сформулирована аксиома: “Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав”. В обязанностях субъект реализует себя в той же мере, что и в правах. Из разряда аксиоматичных и то положение, что права и равнообъемные им обязанности в юридических (не путать с легалистскими, урегулированными законом) отношениях распределены не порознь между контрагентами – участниками таких отношений (у одних – права, у других – обязанности); нет, и права, и обязанности одинаково свойственны каждому из участников. Механизмы их обретения, как и механизмы их утрат, известны.

За максимой “нет прав без обязанностей” логично и ровно с такой же степенью истинности следует максима “нет свободы без ответственности”. Дать научное определение ответственности весьма сложно¹⁹. Но наметить некоторые узловые пункты необходимо. Ответственность всегда в связке с субъектом (индивидом, группой лиц, общностью людей). Свое выражение она находит в контроле действий субъекта, в их отчетности и в претерпевании, которое испытывает субъект за эффекты совершенных им действий. Презюмируется, что есть и инстанции ответственности, осуществляющие контроль за поведением субъекта, оценивающие такое поведение и предпринимающие соответствующие ак-

¹⁹ Подробнее см.: Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. С. 5–22.

ции в отношении субъекта по результатам полученных оценок.

Ответственностей много: метафизическая (перед Богом), историческая, политическая, юридическая, моральная, эстетическая, этническая и др. Разные в границах этих ответственностей субъекты и инстанции, методы и средства осуществления. Применительно к дискуссии о культуре демократии на авансцену выдвигается, конечно, ответственность политическая и юридическая. Тут надо иметь в виду (помимо всех прочих соображе-

ний), что для современной, постсоветской России особенно важны два момента: во-первых, реализуемость ответственности личности перед законом (государством), но и обязательно – государства и его аппарата перед личностью; во-вторых, обеспечение всеми законными способами неотвратимости, максимальной действенности ответственности. В обстановке безответственности ни о какой культуре (а тем паче о культуре демократии) речи быть не может.